

Slavery: Theory and Practice

Has been issued since 2016. E-ISSN 2500-3755
2016. Vol.(1). Is. 1. Issued 2 times a year

EDITORIAL BOARD

Cherkasov Aleksandr – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation (Editor in Chief)

Biriukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Rekhovskii Aleksandr – Far Eastern State University, Vladivostok, Russian Federation

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation

Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

Journal is indexed by: CrossRef

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal43.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.06.16.
Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.
Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Order № 1.

© Slavery: Theory and Practice, 2016

Slavery: Theory and Practice

2016

Is.

1

Slavery: Theory and Practice

Издается с 2016 г. E-ISSN 2500-3755
2016. № 1 (1). Выходит 2 раза в год.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Черкасов Александр – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация (Главный редактор)

Бирюков Павел – Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация (Заместитель главного редактора)

Реховский Александр – Дальневосточный государственный университет, Владивосток, Российская Федерация

Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Российская Федерация

Шмигель Михал – Университет Матея Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал индексируется в: CrossRef

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal43.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.06.16.
Формат 21 × 29,7/4.

Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Заказ № 1.

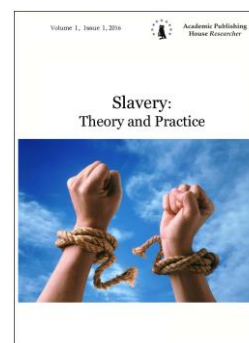
CONTENTS

On Ethnical and Social Stratification in Eneolithic Lower Volga Region According to Khvalynsk Culture Data Alexander S. Semenov, Vladimir V. Bulat	4
The Institution of Slavery of Kievan Rus Epoch of Yaroslav the Wise and Classical Slavery of Antiquity: a Comparative Analysis Anvar M. Mamadaliev	14
About the Ethnicity of "Smerds" Lev R. Prozorov	24

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 Vol. 1, Is. 1, pp. 4-13, 2016

DOI: 10.13187/slave.2016.1.4
www.ejournal43.com

Articles and Statements

UDC 575.174.2

On Ethnical and Social Stratification in Eneolithic Lower Volga Region According to Khvalynsk Culture Data

Alexander S. Semenov^{a, *}, Vladimir V. Bulat^a^a DeepDive ResearchGroup, Russian Federation

Abstract

This paper analyzes the problems of inequality and the presence of slavery in the Eneolithic in Eastern Europe on the materials of the Khvalynsk cemetery. Based on the presence of signs of inequality in the tombs it concludes the existence of Patriarchal inequality and slavery. On the basis of paleoDNK data it discusses the different ethnic roots of the elite and the enslaved population.

Keywords: eneolithic, inequality, patriarchal slavery, Khvalynsk burial, R1a1, R1b1, Q Y-haplogroups.

Введение

Тема имущественного и прочего социального расслоения в среде доисторических племен поставлена в рассмотрение довольно давно, но было бы интересно проследить детали и условия такового расслоения, а также факторы, его обуславливающие, на примерах конкретных археологических находок, относящихся к определенным археологическим культурам. Изучение хвалынской археологической культуры эпохи энеолита, обнаруженной в Нижнем Поволжье и прилегающих к нему районах, значительно расширило наши представление об энеолите юга России (Попов, 2015: 147). Хвалынская культура датируется V–IV тысячелетиями до н.э., и хотя этот период еще не знает такого существенного социального расслоения в регионе, как следующая за ним эпоха майкопской культуры (История Европы, 1989: 95-96), некоторые интересные выводы напрашиваются в результате изучения знаменитых хвалынских могильников (Попов, 2015: 147-148). В Хвалынском могильнике на предмет генетического определения происхождения исследованы останки трех индивидуумов (возраст – около 4700 года до н.э.). Эти останки позволяют говорить об имущественном неравенстве и возможно, о патриархальном рабстве, и в этом случае возникает вопрос о том, к каким культурно этническим группам принадлежали разные слои общества, оставившего могильник Хвалыnsk-2. О низком статусе (возможно, рабском) говорит полное отсутствие металлических изделий, которые в рассматриваемую эпоху выступали показателями статуса.

* Corresponding author
 E-mail addresses: semyonov1980@mail.ru (A.S. Semenov)

Находки и их биологический возраст	Y DNA	mtDNA	Имущественная характеристика
1.20-30 лет	R1b1	H2a1	богатое захоронение, большое количество медных изделий
2.30-35 лет	R1a1	U5a1i	относительно небогатое захоронение, наличие изделий из металла
3.45-55 лет	Q1a	U4a2 или U4d	насильственно умерщвленный пленник или раб, отсутствие металла

Источник: (Iain Mathieson et al.: 10).

Обсуждение и результаты

Археологическая культура – сложное явление, зачастую имеющее несколько измерений и зависящее от разнохарактерного влияния других культур. С точки зрения металлургических технологий, хвалынская культура – отражение экспансии балкано-карпатской металлургической провинции на Восток. Однако что могло лечь в основу такой миграции? Первое же предположение может быть сделано на основе изучения технологических миграций эпохи энеолита. Балкано-Карпатская металлургическая провинция (БКМП), занимающая также Северное Причерноморье и часть Среднего Поволжья (рис. 1), делится на два ареала – западный (на сегодняшний день более изученный) и восточный, при этом вырабатывающейся общности технологии мог соответствовать и обмен населением (хотя бы частичный). Например, западный район Балкано-Карпатской металлургической провинции (БКМП) является сегодня буквально эпицентром сосредоточения ряда субкладов мужской гаплогруппы I2 (Семенов, Булат, 2016: 41). Данный гаплотип обнаруживается восточнее, в слоях следующей за хвалынской ямной культуры. На сегодня образцы древней I2 в Хвалынске-II пока не найдены, однако, наличие женских мито-гаплогрупп U4 и U5 позволяют поддержать гипотезу об обмене населением с Центральной Европой. Вхождение в БКМП также является аргументом в пользу существования патриархального рабства, поскольку в металлургических технологиях древности можно выделить пласт «черных работ» (добыча руды, работа с ядовитыми добавками), которые перепоручались невольникам.

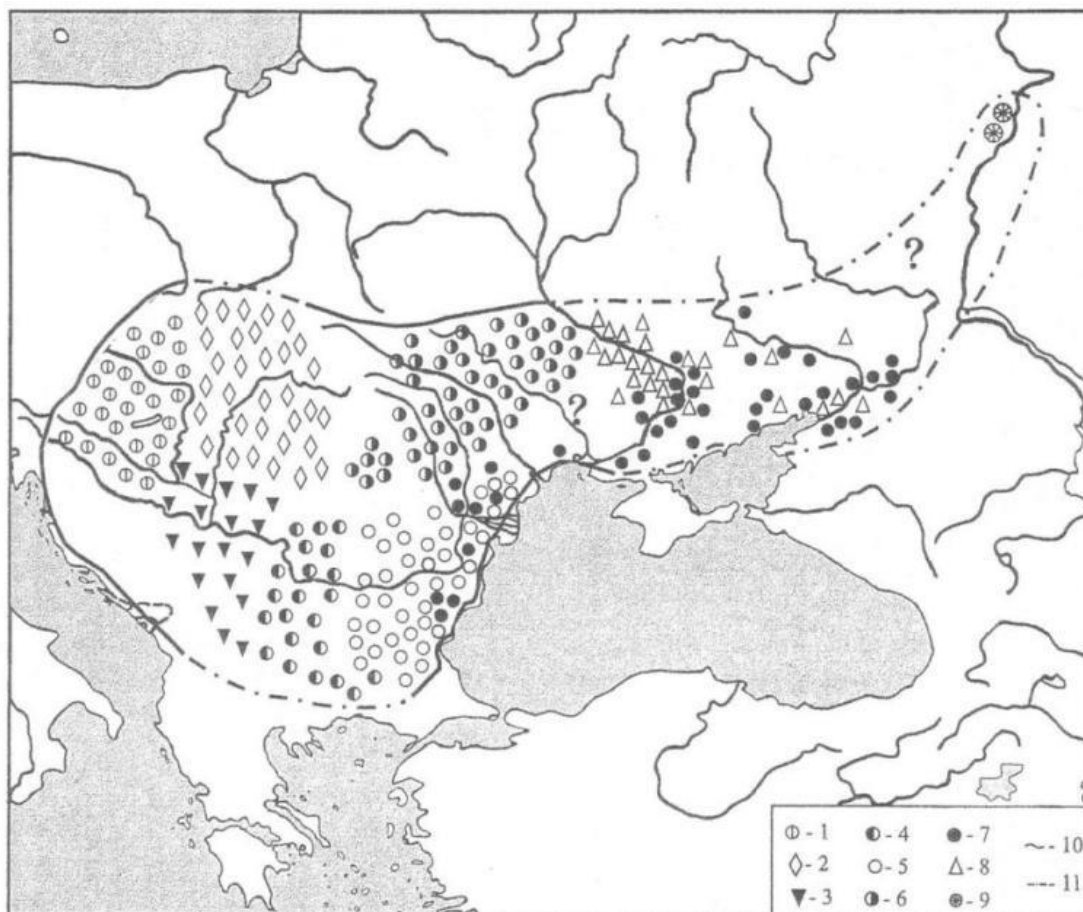

Рис. 1. Балкано-Карпатская металлургическая провинция эпохи энеолита (по Е.Н. Черных с дополнениями Н. В. Рындиной). Схема расположения археологических памятников и очагов металлопроизводства: 1 — культура Лендьел; 2 — культура Тисаполгар-Бодрогкерестур; 3 -культура Винча Д; 4 — культура Криводол-Сэлкуца; 5 — культура Гумельница (очаг металлургии); 6 -культура Кукутени-Триполье (очаг металлообработки); 7 — памятники Новоданиловского типа (очаг металлообработки); 8 — культура Средний Стог II; 9 — Хвалынские могильники (очаг металлообработки); 10 — границы БКМП; 11 — предполагаемые границы.
Источник – (Iain Mathieson et al.: 10).

Однако совсем иными представляются истоки появления в хвалынской культуре Y-гаплогрупп R1 и Q. Оба гаплотипа можно связать с палеолитом центральной Евразии, и частично – с зарзыйским мезолитом (Романчук, Семенов, 2014: 49-50, с. 60; Semenov, Bulat, 2015: 86-87), что и указывает на исходные корни населения хвалынской культуры.

Мужская гаплогруппа R1b1, скорее всего, связана своим происхождением с азово-каспийской археологической провинцией, сформировавшейся в результате распространения населения Северного Ирана и Ирака, Средней Азии на север в раннем мезолите (Tartarica, 2005: 72). Типирование неолитического обитателя самарской степи (стоянка Лебяжинка IV, которая российскими специалистами относится к елшанской или уже средневожской культуре), показало R1b1*(xR1b1a1, R1b1a2) (Naak, 2015: 25). Позднее, на основе елшанской культуры возникают средневожская и самарская культуры, а последняя считается основой для сложения хвалынской (население самарской раннеэнеолитической культуры переместилось на юг и юго-запад (Археология Нижнего Поволжья, 2006: 398)). Вопрос о происхождении елшанской культуры до сих пор является дискуссионным, однако все отчетливее звучит мнение о юго-восточных ее корнях. Ряд авторов (И.Б. Васильев, А.А. Выборнов), основываясь на некотором сходстве керамических сосудов, считают, что возникновение памятников елшанского типа – это результат миграции на Среднюю Волгу инокультурного населения из Средней Азии (Васильев,

Выборнов, 1988), и в конечном счете обнаруживает генетические связи с мезолитическими памятниками Южного Прикаспия (Джебел, Дам-дам-чешме) (Сверчков, 2011: 49-50) – с ними же солидарны авторы комплексного атласа истории Евразии *Tartarica* (Tartarica, 2005: 73). И.Н. Васильева, проведя исследования ранее слабо изученной керамики Приаралья и Восточного Прикаспия, установила, что в данной керамике присутствуют «мелкие округлые и угловатые обломки раковины («карбоната кальция органического происхождения» размером 2–3 мм и менее), а также углистые органические остатки (Августинник, Баранова, 1956: 226). Сочетание естественных примесей раковины и растительности как будто указывает на использование илистого сырья. По мнению исследователей джебелской керамики, в формовочные массы могли добавляться жидкие органические вещества (молоко, мочевины), которые обеспечивали механическую прочность черепка (Августинник, Баранова, 1956: 222). Для большинства неолитических комплексов Приаралья характерно сочетание «грубой шамотной керамики» и тонкостенной слабоорнаментированной керамики с «растительной примесью» (Васильева, 2011: 80). Это дает возможность (хотя и с оговорками самой Васильевой) сделать предположение о восточном характере связей памятников елшанского типа и вновь ассоциирует с мезолитическими памятниками Южного Прикаспия (прежде всего Джебелом) (Васильева, 2011: 80).

Наряду со средневожской, самарская же культура имела и вторую подоснову в виде гребенчатой керамики и вообще подвергалось «попеременному воздействию со стороны лесных племен с гребенчатой керамикой и степных с накольчатой» (Археология Нижнего Поволжья, 2006: 397). А мир лесных племен гребенчатой керамики, скорее всего, указывает на связь с гаплогруппами R1a1 и J2b (Semenov, Bulat, 2015) и эпицентром распространения была тоже степная зона, но более западная – Причерноморье, как это показывает Д.Л. Гаскевич:

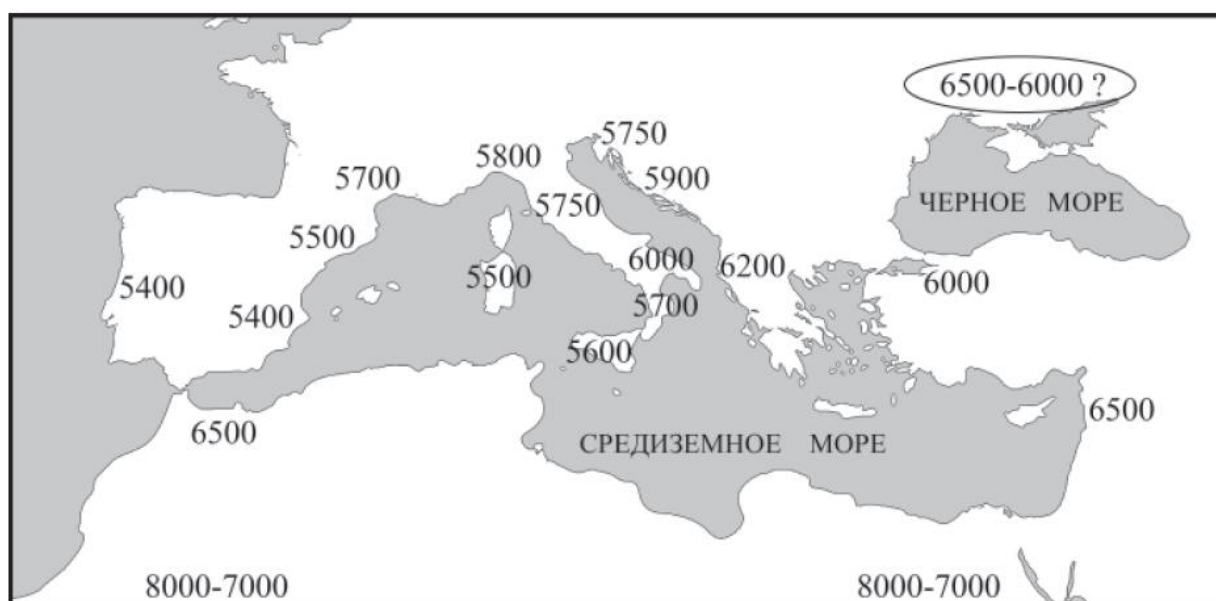

Рис. 14. Приблизительное время появления керамики импрессо в Большом Средиземноморье (гг. cal BC) (по данным Balossi, Frangipane 2002; Daugas et al. 2008; Forenbaheer, Miracle 2004; Mohammed-Ali, Khabir 2003; Robb 2007; Zilhão 2001).

(Гаскевич, 2010: 239)

С точки зрения Гаскевича, мы видим в Восточной Европе лишь малый эпизод большого процесса, охватившего огромные пространства от Сахары до Северного Зауралья и от Испании и Марокко до Леванта. При этом причерноморский эпицентр гребенчатой керамики хорошо вписывается в ареал будущей БКМП, и с некоторой долей осторожности, можно говорить о присутствии в этом ареале носителей гаплотипа R1a1. Носители R1a1 на горизонтах, предшествующих европейской культуре шнуровой керамики, в т.ч. носители древних субкладов M459+, M198- могли встречаться в группе восточноевропейских культур гребенчатой керамики, причем гаплогруппой-спутником могла быть J2b. Однако, относительно более раннего времени, исходя из современных данных, возможна как восточная, так и южная локация носителей R1a1 (Semenov, Bulat, 2015). Очаг носителей J2b наблюдается в современной Мордовии, относительно недалеко от эпицентра хвалынской культуры (в Мордовии также известны находки эпохи энеолита).

Находки в рамках древнего мезолитического захоронения (а с некоторой вероятностью, неолитического) Y-гаплогруппы R1a1 в Карелии тоже скорее подтверждают данную гипотезу. В статье (История Европы, 1989: 42, 49) 2015 года большим международным коллективом генетиков были обнародованы замечательные результаты. Останки мужчины, жившего на Южном Оленьем острове в 5500 до н.э. (имеющие инвентарный номер 142), содержат Y-гаплогруппу R1a1, причем относящиеся к древнему субкладу R1a1-SRY10831.2*, не содержащему маркера M198, присущего R1a1-z282 и R1a1-z93. То есть уже около 5500 до н.э. Северная Европа входила в ареал распространения R1a1 (Semenov, Bulat, 2015: 92).

В статье (Semenov, Bulat, 2016: 42-43) показано, что на основании отдельных признаков (неожиданное сходство одонтологических признаков с представителями культуры Чатал-Гуюк, находка орудия для изготовления керамики, наличие более южной гаплогруппы J) в составе населения Оленьего Острова можно предположить наличие следа недавних мигрантов с юга (причем, именно из зоны гребенчатой керамики) находящихся уже на неолитической стадии развития. Памятуя гипотезу Гаскевича о роли циркумпонтийской зоны в распространении гребенчатой керамики, можно предположить наличие каких-то связей между оленеостровцами и причерноморским регионом с гребенчатой керамикой, через который часть населения Оленьего Острова прошли на пути к Онеге. Также, в зоне Онежского озера обнаружен небезынтересный элемент в украшении посуды более поздней неолитической карело-финской культуры сперрингс, по происхождению связанной с неолитическими культурами Волго-Окского междуречья. В украшении керамики в 8,9 % случаев встречается веревочный орнамент (Археология, 1996: 70-71). Существует гипотеза, что веревочный орнамент, характерный для индоевропейской шнуровой керамики, был изобретен в культуре сперрингс, и именно от нее можно протянуть связь к культурам шнуровой керамики – достоверным носителям гаплогруппы R1a1.

Источник Y-гаплогруппы Q1 в хвалынском могильнике установить сложнее. Гаплогруппа Q исключительно широко распространена среди индейцев Америки (как Северной, так и Южной), причем, практически доминирует в Западном полушарии (Learn about Y-DNA). Однако, и в Евразии – среди современного населения – встречаются островки носителей Q – кеты, селькупы, жители Средней Азии и даже некоторых изолированных мест Европы – например, острова Хвар в Хорватии и Савойи. Понятно, что, поскольку индейцы пришли в Западное полушарие из Сибири и вообще из Азии, следует искать их генетических родственников в регионах и среди этнических групп, где распространен Q. Таковыми являются, в первую очередь, кеты, в настоящее время живущие в средней части запада Красноярского края – 84 % популяции (Волков, 2013: 80). Несмотря на свою малочисленность и реликтовый характер современного кетоязычного населения, исследования показывают, что в неолите и даже раннем железном веке кеты могли быть одним из важнейших компонентов формирования многих некетоязычных сибирских народов (Flegontov et al., 2016). «В литературе уже давно укрепилось мнение, что, предки кетов относительно недавно мигрировали на Енисейский Север, и формирование этого народа происходило на юге междуречья Оби и Енисея (Алексеевко 1994: 189). По мнению Е.А. Алексеевко, первые достоверно известные кетоязычные группы на рубеже эр проживали в горно-таежных районах Южной Сибири и Северо-Восточного Сибиряка (Китай) (Алексеевко 1976: 180–184). По данным топонимических исследований

А.П. Дульзона, кетские (енисейские) названия широко распространены на востоке и юго-востоке Западной Сибири. Наиболее типичны топонимы от терминов *сес, зес, сат, тет, дат, шет, чет*, которые в разных диалектах кетов имеют значение «река». Примерами являются многочисленные западносибирские гидронимы *Айзас, Толзес, Алсат, Итат, Айдат, Бакчет, Тайшет* и др. (Дульзон, 1960: 291). Ареалы енисейских топонимов и гидронимов выявлены А.П. Дульзоном на значительной территории Сибири, и даже в Северо-Восточной Сибирязи (Дульзон, 1962: 50–84)» (Волков, 2013: 83-84). На Алтае, который также входил в сферу расселения древнекетских племен, которые, на наш взгляд, могут иметь прямое отношение к зарзийским мигрантами мезолитической эпохи в Среднюю Азию и на Урал (Semenov, Bulat, 2015: 86-87), данный субклад также встречается в неолите (3 образца субклада Q1a2a1 обнаружены в могильнике Цагаан Асга, относящихся к среднему бронзовому веку Алтая (Hollard et al., 2014: 200-201), и еще 1 Q – в могильнике Тахилгат-Узур-5, чей возраст гораздо древнее других захоронений могильника и датирован 2742 годом до н.э. (Hollard et al., 2014: 201), следовательно, относящаяся к периоду алтайского неолита. Эта последняя находка позволяет предположить, что в неолите Алтай присутствовали носители гаплогруппы Q, которые вполне могли говорить на восточных сино-кавказских языках.

Расселяясь по просторам Евразии после таянья ледника, различные зарзийские и натуфийские (Мезолит, 1989: 105) группы со временем стали значительно различаться друг от друга по языку и могли относиться друг к другу как к принципиальным соперникам: воюя, захватывая в плен и т.д., то есть уже в эпоху энеолита они могли представлять совершенно разные этнические группы и обладать разным уровнем развития.

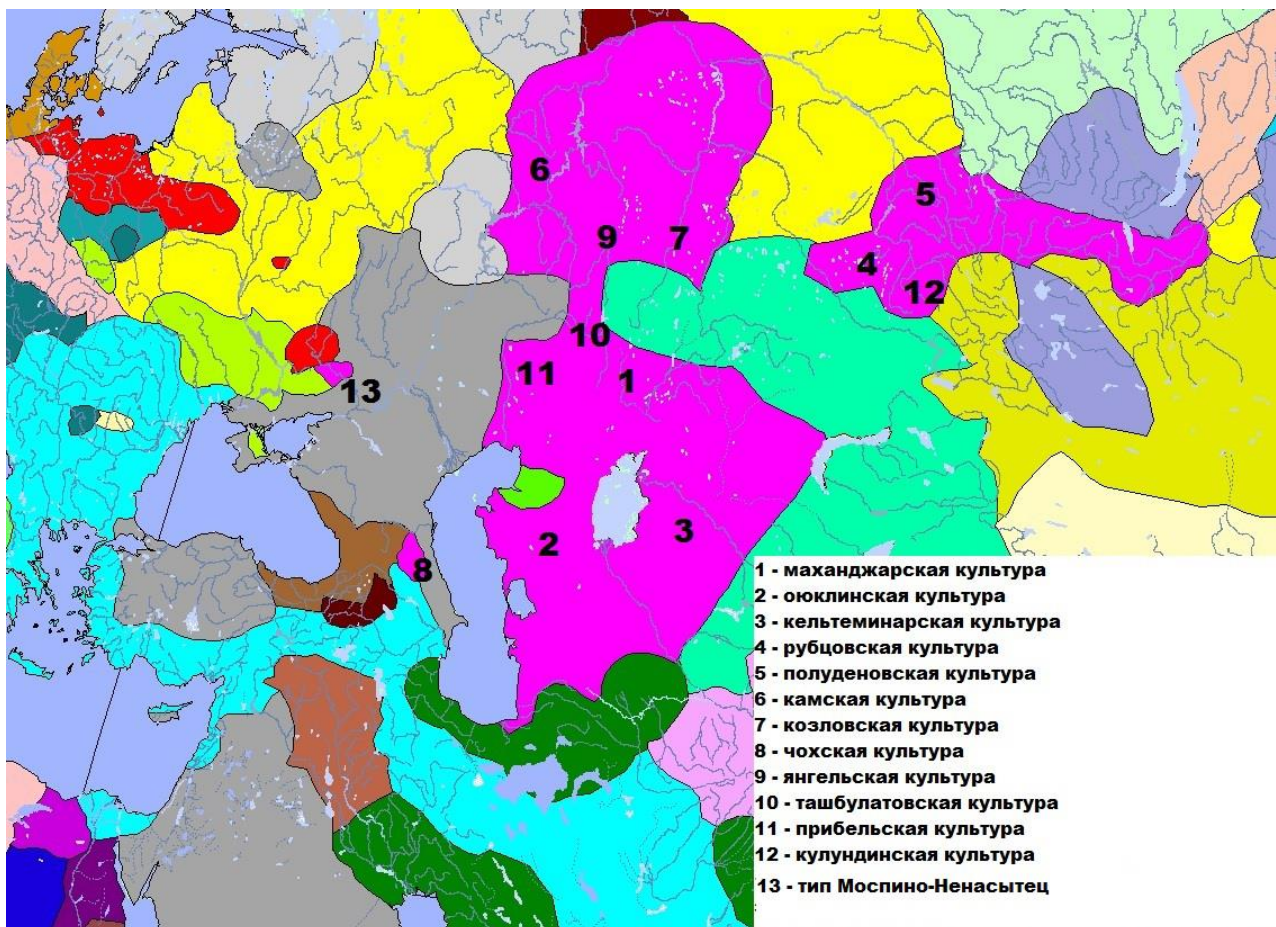

Рис 2. Авторская карта В.В. Булата распространения археологических культур в Центральной Азии около 5000 года до н.э. (племена – возможные носители древних синокавказских языков показаны сиренево-розовым цветом) (Semenov, Bulat, 2015: 90).

Зарзыйский мир мезолита-неолита оказался достаточно разнообразен, условия жизни неизбежно приводили к социальному расслоению, хотя бы даже на позднепервобытном уровне, а вышеупомянутой энеолитический симбиоз БКМП с племенами Среднего и Нижнего Поволжья еще более усилил эти процессы. Можно предположить, что та часть позднеэнеолитических племен, которая участвовала в создании или испытала влияние БКМП, маркированы мужскими субкладами R1b и R1a (поскольку, как известно, гаплогруппа R1b распространена преимущественно среди индоевропейцев Западной Европы, и восточнее встречается как будто лишь в качестве останцев степных культур энеолита в Южном Приуралье, и уже известны R1b в регионе БКМП – в Вучедольской культуре). При этом, в рамках хвалынской культуры R1b1 представляет собой влияние азово-каспийской провинции (южной), а R1a1 – влияние причерноморского неолита, дошедшего до Хвалынска опосредовано с северо-запада.

Заключение

Не исключено, что носители R1b и R1a1 из Хвалынска представляют собой индоевропеизированную группу племен, а носитель Q, не подпавший под влияние БКМП, – нет, и это говорит о превосходстве первых в техническом отношении. Этот фактор позволяет говорить о том, что элементы патриархального рабства могли быть привнесены. Наличие металлургического центра и стратификация захоронений позволяют говорить о возможности существования института плена или рабства уже в энеолите Восточной Европы. Институт первобытного (т.н. «доклассового») рабства неплохо известен этнографам, например, у алеутов. Для патриархального рабства характерно и умерщвление рабов вместе со смертью хозяина, что мы предположительно видим в Хвалынске. Но ситуация в регионе Северного Причерноморья – Нижнего Поволжья, видимо, была еще сложнее: азово-каспийская группа зарзыйцев, попавшая под влияние, а возможно и захватившая доминирование в БКМП, смогла сделать гребенчатые культуры (гипотетические R1a1) своего рода «федератами», а носители гаплогруппы Q стали рабами или пленниками и не оставили многочисленного потомства в восточной Европе (где по сегодняшнему состоянию населения в Восточной Европе доля этой гаплогруппы мизерна). Для раннекочевых обществ (а Хвалынская культура была именно таковой) характерно быстрое распространение элитой своих генов, что также говорит о том, что носители Q могли быть низкостатусными – в последующей ямной культуре среди ископаемых ДНК Q пока не зафиксировано. Остается вопрос: какими географическими факторами было обусловлено отделение азово-каспийского мира и мира гребенчатой керамики от предков современных кетов, оставшихся за Уралом? Э. Вайда предположил, что значительную роль здесь может играть экзогамия двух групп относительно друг друга – с определенного момента они не смешиваются: в результате восточные сино-кавказцы (дене-тибетонисейцы) существенно отличаются от западных (северокавказцев и бурушаски), у вторых есть значительная примесь гаплогруппы L (Edward Vajda: 43), в то время, как для кетов такой примеси не обнаружено (Edward Vajda: 36). Это говорит о том, что одним из факторов обеспечивших быстрый прогресс носителей R1 в мезо и неолите мог стать контакт или симбиоз с населением, имевшим значительный процент гаплогруппы L (скорее всего, локализованным в районе Средней Азии или Ирана). Данные хвалынской культуры позволяют утверждать, что социум носителей R1b и R1a1 в эпоху энеолита обладал признаками стратификации и неравенства, что может считаться прогрессивным для той удаленной эпохи.

Литература

Археология, 1996 - Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Археология Нижнего Поволжья, 2006 - Археология Нижнего Поволжья. Т 1. Волгоград, 2006.

Васильев, Выборнов, 1988 - Васильев Н.Б., Выборнов А.А. Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением Волго-Камья. // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.

[Васильева, 2011](#) - *Васильева И.Н.* Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры). // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2011. № 2 (46).

[Волков, 2013](#) - *Волков В.Г.* Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных. // *Tomsk Journal LING & ANTHROPO.* 2013. 1 (1).

[Гаскевич, 2010](#) - *Гаскевич Д.Л.* Северо-понтийское импрессио: происхождение неолитической керамики с гребенчатым орнаментом на юге Восточной Европы. // *Stratum plus.* 2010. №2.

[История Европы, 1989](#) - *История Европы.* Т 1. М., 1989.

[Мезолит, 1989](#) - *Мезолит СССР.* М., 1989.

[Попов, 2015](#) - *Попов А.С.* Историография каменной индустрии хвалынской культуры. // *Вопросы исторической науки: материалы III междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2015 г.).* М., 2015.

[Романчук, Семенов, 2014](#) - *Романчук А.А., Семенов А.С.* R и Q гаплогруппы Y-хромосомы и прасеверокавказский субстрат праиндоевропейцев. // *Russian Journal of Biological Research,* 2014, Vol. (1), № 1.

[Сверчков, 2011](#) - *Сверчков Л.М.* Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент, 2011.

[Семенов, Булат, 2016](#) - *Семенов А.С., Булат В.В.* Возможные пути распространения динаро-карпатской гаплогруппы I2 в свете последних исследований палеогенетики // *Русин.* 2016. № 1 (43).

[Edward Vajda](#) - *Edward Vajda.* *Assessing the Sino-Caucasian Hypothesis.* *Internet open-access.*

[Flegontov et al., 2016](#) - *Flegontov P. et al.* Genomic study of the Ket: a Paleo-Eskimo-related ethnic group with significant ancient North Eurasian ancestry. *Scientific Reports.* 6, Article number: 20768 (2016) doi:10.1038/srep20768

[Haak, 2015](#) - *Haak W.* Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. // Preprint, 2015.

[Hollard et al., 2014](#) - *Hollard C. et al.* Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers. / *Forensic Science International: Genetics* 12 (2014) 199–207200

[Iain Mathieson et al.](#) - *Iain Mathieson et al.* Eight thousand years of natural selection in Europe. doi: <http://dx.doi.org/10.1101/016477>

[Learn about Y-DNA](#) - "*Learn about Y-DNA Haplogroup Q*". *Wendy Tymchuk - Senior Technical Editor. Genebase Systems.* 2008. Retrieved 2009-11-21

[Semenov, Bulat, 2015](#) - *Semenov A.S., Bulat V.V.* Some Conjectures on Y-DNA Haplotype R1a1 Migrations Based on new North Eurasian Paleogenetic Data. // *Russian Journal of Biological Research,* 2015, Vol. (4), Is. 2.

[Semenov, Bulat, 2015a](#) - *Semenov A.S., Bulat V.V.* On localization of ancient bearers of Y-DNA R1a1 haplotype in Eastern Europe Neolithic Cultures. // *Russian Journal of Biological Research,* 2015. №4.

[Semenov, Bulat, 2016](#) - *Semenov A.S., Bulat V.V.* Ancient Paleo-DNA of Pre-Copper Age North-Eastern Europe: Establishing the Migration Traces of R1a1 Y-DNA Haplogroup. // *European Journal of Molecular Biotechnology,* 2016, Vol.(11), Is. 1.

[Tartarica, 2005](#) - *Tartarica.* Атлас. Казань, 2005.

References

[Археология, 1996](#) - *Археология Karelii.* Petrozavodsk, 1996.

[Археология Нижнего Поволжья, 2006](#) - *Археология Нижнего Поволжья.* Т 1. Volgograd, 2006.

[Vasil'ev, Vybornov, 1988](#) - *Vasil'ev N.B., Vybornov A.A.* Neoliticheskie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ya i ikh vzaimodeistvie s naseleniem Volgo-Kam'ya. // *Problemy izucheniya rannego neolita lesnoi polosy Evropeiskoi chasti SSSR.* Izhevsk, 1988.

[Vasil'eva, 2011](#) - *Vasil'eva I.N.* Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры). // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2011. № 2 (46).

- [Volkov, 2013](#) - *Volkov V.G.* Drevnie migratsii samodiitsev i eniseitsev v svete geneticheskikh dannyykh. // Tomsk Journal LING & ANTHROPO. 2013. 1 (1).
- [Gaskevich, 2010](#) - *Gaskevich D.L.* Severo-pontiiskoe impresso: proiskhozhdenie neoliticheskoi keramiki s grebenchatym ornamentom na yuge Vostochnoi Evropy. // Stratum plus. 2010. №2.
- [Istoriya Evropy, 1989](#) - *Istoriya Evropy*. T 1. M., 1989.
- [Mezolit, 1989](#) - *Mezolit SSSR*. M., 1989.
- [Popov, 2015](#) - *Popov A.S.* Istoriografiya kamennoi industrii khvalynskoi kul'tury. // Voprosy istoricheskoi nauki: materialy III mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, yanvar' 2015 g.). M., 2015.
- [Romanchuk, Semenov, 2014](#) - *Romanchuk A.A., Semenov A.S.* R i Q gaplogruppy Y-khromosomy i praseverokavkazskii substrat praindoevropeitsev. // Russian Journal of Biological Research, 2014, Vol. (1), № 1.
- [Sverchkov, 2011](#) - *Sverchkov L.M.* Tokhary. Drevnie indoevropeitsy v Tsentral'noi Azii. Tashkent, 2011.
- [Semenov, Bulat, 2016](#) - *Semenov A.S., Bulat V.V.* Vozmozhnye puti rasprostraneniya dinarokarpatskoi gaplogruppy I2 v svete poslednikh issledovaniy paleogenetiki // Rusin. 2016. № 1 (43).
- [Edward Vajda](#) - *Edward Vajda.* Assessing the Sino-Caucasian Hypothesis. Internet open-access.
- [Flegontov et al., 2016](#) - *Flegontov P. et al.* Genomic study of the Ket: a Paleo-Eskimo-related ethnic group with significant ancient North Eurasian ancestry. Scientific Reports. 6, Article number: 20768 (2016) doi:10.1038/srep20768
- [Haak, 2015](#) - *Haak W.* Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. // Preprint, 2015.
- [Hollard et al., 2014](#) - *Hollard C. et al.* Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers. / Forensic Science International: Genetics 12 (2014) 199–207200
- [Iain Mathieson et al.](#) - *Iain Mathieson et al.* Eight thousand years of natural selection in Europe. doi: <http://dx.doi.org/10.1101/016477>
- [Learn about Y-DNA](#) - "Learn about Y-DNA Haplogroup Q". Wendy Tymchuk - Senior Technical Editor. Genebase Systems. 2008. Retrieved 2009-11-21
- [Semenov, Bulat, 2015](#) - *Semenov A.S., Bulat V.V.* Some Conjectures on Y-DNA Haplotype R1a1 Migrations Based on new North Eurasian Paleogenetic Data. // Russian Journal of Biological Research, 2015, Vol. (4), Is. 2.
- [Semenov, Bulat, 2015a](#) - *Semenov A.S., Bulat V.V.* On localization of ancient bearers of Y-DNA R1a1 haplotype in Eastern Europe Neolithic Cultures. // Russian Journal of Biological Research, 2015. №4.
- [Semenov, Bulat, 2016](#) - *Semenov A.S., Bulat V.V.* Ancient Paleo-DNA of Pre-Copper Age North-Eastern Europe: Establishing the Migration Traces of R1a1 Y-DNA Haplogroup. // European Journal of Molecular Biotechnology, 2016, Vol.(11), Is. 1.
- [Tartarica, 2005](#) - *Tartarica. Atlas. Kazan'*, 2005

УДК 575.174.2

Об этническом и социальном расслоении в регионе нижней Волги в энеолите (на материалах Хвалынской культуры)

Александр С. Семенов^{а,*}, Владимир В. Булат^а

^а DeepDive ResearchGroup, Russian Federation

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: semyonov1980@mail.ru (А.С. Семенов)

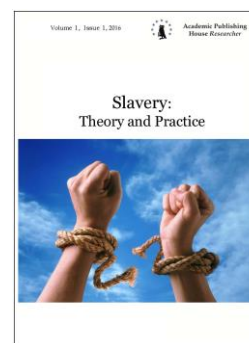
Аннотация. Данная работа содержит анализ проблематики наличия неравенства и рабства в эпоху энеолита в Восточной Европе на материалах Хвалынского могильника. На основании наличия признаков неравенства в захоронениях делается вывод о существовании неравенства и патриархального рабства. На базе данных палеоДНК делается вывод о различных этнических корнях элиты и обращенного в рабство населения.

Ключевые слова: энеолит, неравенство, патриархальное рабство, R1a1, R1b1, Q Y-гаплогруппа, Хвалынский могильник.

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 Vol. 1, Is. 1, pp. 14-23, 2016

DOI: 10.13187/slave.2016.1.14
www.ejournal43.com

UDC 93/94

The Institution of Slavery of Kievan Rus Epoch of Yaroslav the Wise and Classical Slavery of Antiquity: a Comparative Analysis

Anvar M. Mamadaliev ^{a, *}^a International Network Center of Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the comparative analysis of the institutions of classical slavery of antiquity with the institution of slavery in the heyday of the feudal monarchy of Russ – in the second half of the XI century. This period is on the board of one of the most productive national rulers – Yaroslav I Vladimirovich the Wise and his sons. The paper gives a characterization and comparative analysis of classical slavery of antiquity, the slavery of the ancient Slavs and in the early period of the Russian state, the institution of slavery, enshrined in the Russian Truth. The author comes to the conclusion that the ancient russian state, which according to tradition was called the Kievan Rus, it is hardly fair to call the slavery feudal monarchy, as the slavery in the form in which it is usually understood (referring to his classic version) does not exist.

Keywords: slavery, slaves, bondage, bondman, the comparative characteristics, the Ancient Greece, the Ancient Rome, antique, Kievan Rus, Russkaya Pravda, the middle ages.

1. Введение

Период правления Ярослава I Владимировича Мудрого зачастую называют расцветом Древнерусского государства. Страна достигла своего наивысшего расцвета во многих сферах – по уровню урбанизации, подъему культуры, экономики, торговли, внешнеполитического авторитета государства, обороноспособности, укреплению авторитета власти и пр. Нельзя не согласиться с мнением видных отечественных историков (И.Я. Фроянов, А.А. Сахаров, и др.), что правление Ярослава стало поворотным пунктом в развитии русской раннефеодальной монархии. Вместе с тем, расцвет этот произошел незадолго до развала: "юридической" датой раздробленности считают 1097 г. (Любечский съезд), то всего через 43 года после смерти Ярослава Мудрого. Фактической датой раздробленности стал 1132 год и связана эта дата со смертью Мстислава Владимировича Великого, правителя, которого благодаря его авторитету и влиянию, еще в полной мере можно называть великим князем единой Руси; его приемники такого влияния уже не имели...

Ярослав Мудрый, помимо величайших экономических и военных успехов, фундаментально укрепил и еще одну важнейшую общественную сферу – правовую. Русская Правда (в трех своих редакциях) почти на 400 лет, – вплоть до принятия в 1497 году Судебника Ивана III Великого, станет главным нормативным документом, по которому

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

жила как Киевская Русь до своего развала, так и впоследствии независимые русские княжества и зародившееся Московское государство. До сегодняшнего дня, не было и нет нормативного акта, который бы побил своеобразный рекорд. Помимо прочего, Русская Правда документально закрепила иерархию общественных статусов; низшим сословием Древнерусского государства стали так называемые холопы - вид наиболее зависимой и бесправной категории населения, что позволяет многим авторитетнейшим историкам (в частности, Фроянову) называть Русь рабовладельческой. Насколько институт холопства отличался от института классического рабства античного периода? Каким стало холопство в эпоху Ярослава Мудрого в сравнении рабством у славян в догосударственную эпоху и раннегосударственный период? В данном исследовании попробуем ответить на эти вопросы.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для подготовки работы послужили отечественные и зарубежные исследования новейшего времени. Среди российских авторов необходимо выделить И.Я. Фроянова, А.Я. Гуревича, А.А. Сахорова, а среди зарубежных Р. Brunt, A. Jones, A. Grenier, C. Nicolet и других.

2.2. При решении исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами. Основным в работе является историко-сравнительный метод, который позволил нам сопоставить институт холопства в Киевской Руси с классическим рабовладением в античный период.

3. Обсуждение и результаты

Рабство как форма зависимости и как форма собственности появились еще в первобытно-общинные времена, но наибольшего, с позволения сказать, расцвета данный институт зависимости получил в ранних монархиях – Древнем Египте, Ассирии и др. Именно в эту эпоху развития человечества рабы являлись основной производительной (и производственной) силой, что, собственно, и позволило Карлу Марксу выделить самостоятельную и отличную от других формацию – рабовладельческую. Государства Древней Греции и, впоследствии, Древнеримское государство заимствовали и в полной мере использовали силу рабов для производства (имеем ввиду территорию Италии, а не римские провинции, в которых количество рабов было ничтожным), вплоть до возникновения института лично свободных крестьян – колонов (Римская империя) в начале 1-го тыс. н.э., производственная функция которых сохранилась, однако правовой статус изменился кардинально, напоминая скорее институт российского крепостничества (за исключением периода с конца XVIII – 1-й пол. XIX вв., когда Жалованной грамотой дворянам от 21 апреля 1785 г. Екатерина II отобрала у крестьян личную свободу), нежели рабовладения.

Несколько слов следует сказать о термине «зависимости» рабов/холопов/крепостных от своих так называемых «господ». Ныне словом «зависимость» обозначают несвободность от кого-либо/чего-либо, придавая слову весьма широкий смысл. Прочно в научном употреблении закрепилась фраза «зависимое сословие», обозначающее вышеперечисленные категории населения. Однако, объединять несколько несвободных сословий одним термином «зависимость», на наш взгляд, не вполне точно: разумеется «зависимость» мануфактурного рабочего (человека свободного лично, но несвободного по части занятости) от своего работодателя будет в корне иной, нежели зависимость холопа от своего господина. Именно поэтому, надо полагать, еще с античных времен существует один весьма точный критерий зависимости, а именно – рабства: личная несвободность и приравненность к вещи, то есть полная и безраздельная собственность господина. И если в отношении определенной группы населения прослеживается подобный критерий, то людей этой группы в полной мере можно назвать рабами, если не прослеживается – то нет. В силу этого, в нашей работе мы не будем употреблять термин «зависимость», имеющий широкое значение в отношении практически любой общественной страты (от безраздельной личной собственности – раба, до наемного рабочего современности, вынужденного ходить на работу и, следовательно, тоже в каком-то плане зависимого от другого человека), используя другой

критерий – личную свободу/несвободность и степень полноты владения господином. Собираемым термином «господин» мы будем называть всех собственников указанных категорий населения (рабов, колонов, холопов, крепостных) без употребления их конкретно-исторических названий.

Начать сравнение считаем возможным с источника несвободного состояния – способов попадания в собственность господину.

Как известно, основным источником рабства в первых древних монархиях (территории Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока), служили пленники, захваченные в результате военных действий или (позднее, и в значительно меньшей степени) пиратства. Такую же тенденцию подхватили впоследствии древние греки, а у греков, соответственно, ее переняли и древние римляне. Безусловно, она стала возможной прежде всего благодаря агрессивной внешней политике, в силу чего раб как правило ассоциировался с иностранным пленником, а впоследствии – и должником. Современные исследователи античности прямо указывают об этом: «...В понимании римлян раб ассоциировался с иностранцем. Так же как древние греки считали всех варваров низшей расой, у которых естественным состоянием было рабство, такие же взгляды разделяли и римляне. Например, Цицерон писал о распространенном мнении, согласно которому некоторые расы предназначены для рабства» (Nicolet, 1979: 208).

На раннем этапе развития Древнеримского государства, в рабство мог попасть и гражданин Рима – за долги, что прямо предусматривалось статьями законов двенадцати таблиц (V в. до н.э.): по истечении срока возвращения кредита, должник в течение двух месяцев содержался в оковах в доме кредитора, а его долг (вместе с должником) трижды мог быть выставлен на торги на рынок. Если никто не выкупал должника, он становился сервом (*servus* – римск. «раб»), которого кредитор мог продать уже по любой цене, но только за пределами Римского государства. Также должник мог продать в рабство и собственных детей в счет погашения долга. Однако вскоре, «долговое рабство» на законодательном уровне упразднили. В соответствии с законом Петелия (VI в. до н.э.), римлянин мог стать рабом только при совершении тяжкого преступления; должник же, по аналогии с состоянием банкротства в современном праве, отдавал все имеющееся имущество, но сохранял личную свободу.

Долговое рабство в Риме появилось вновь во II–I вв. до н.э. в связи с завоевательной политикой и высокими налогами для провинций; однако рабами вновь становились коренные жители присоединенной территории, но не граждане Рима.

В эпоху античности существовал и еще один источник рабства (помимо естественного прироста) – добровольные отношения свободной женщины и раба. При трехкратном невыполнении протеста/предупреждения господина раба, она становилась и его рабыней.

Нельзя не отметить еще одну немаловажную составляющую классического рабства Древнего мира – наличие не только частных, но и общественных рабов (*servi publici*). Принадлежать они могли как империи в целом, так и отдельным муниципиям (городу). Их задействовали в наиболее тяжелых и малопрестижных работах, таких как рытье и обслуживание канализаций, водопроводов, работа на рудниках, «вредное» и/или тяжелое производство в общественных мастерских; более «высокопоставленные» *servi publici* работали посыльными, писарями, кассирами и даже могли составлять свиту должностного лица, препровождая его к рабочему месту.

Сравнивая рабство и холопство, нельзя обойти вниманием краеугольный момент – отношение к ним других социальных групп.

Начиная еще с эпох древних монархий Северной Африки и Ближнего Востока, отношение к рабам, равно как их содержание, было крайне пренебрежительным. Подобную тенденцию унаследовали впоследствии Древняя Греция и Рим, периодически сменяя, однако, периоды ужасного отношения к рабам до «приемлемого», причем зачастую под влиянием философских течений и общественных гуманистических тенденций. Полный произвол господ и управляющих был общепринятым явлением. Если раб приносил какой-либо имущественный вред хозяину, то его умерщвляли без тени сомнения, зачастую еще и весьма варварским способом. Весьма действенно действовал принцип «круговой поруки»: если раб убивал хозяина, то уничтожались все рабы, с которыми убийца жил рядом и/или имел какую-либо связь.

Раб в Древнем мире всецело приравнивался к имуществу и с какого-либо правового статуса не имел: союз раба и рабыни не считался браком, их дети им не принадлежали и являлись собственностью господина, показания раба юридической силы не имели, равно как и возможностей для своей правовой защиты; за вред, причиненный рабом, ответственность нес господин.

Наивысшего «расцвета», если можно так выразиться, рабство в Риме достигло в период поздней республики (II–I вв. до н. э.) и начала империи (конец I в. до н.э. – середина I в. н.э.), что всецело связано с завоевательной политикой государства и пленением немалой части населения покоренных народов.

И, наконец, еще один ключевой момент – соотношение свободных и рабов. В Риме в период расцвета рабства (снова оговоримся, что речь идет лишь о территории Италии) такое соотношение (т.е. свободный/раб), по мнению П. Бранта, было примерно два к одному (Brunt, 1971: 121-123). Другие зарубежные историки античного рабства (М. Финли, Т. Фрэнк, А. Джонс, А. Гренье, Т. Моммзен, Ф. Миллер др.) оценивают это соотношение несколько ниже – в среднем 2–3 свободных гражданина на 1 раба (Grenier, 1937; Finley, 1980; Millar, 1967; Jones, 1956; Джонс, 1997; Моммзен, 2001). То есть, количество рабов в пропорции к свободным гражданам было хоть и не преобладающим (как весьма последовательно указывают советские историки, в частности, С.В. Юшков, М.Н. Покровский, П.И. Лященко и др. (История, 2000; История СССР, 1976), но весьма высоким – около 30 % населения. Безусловно, такое количество не могло не оказывать решающего воздействия на производство (с учетом того, что именно рабы были заняты на наиболее тяжелых работах).

Вместе с тем, на территории всей империи раннего периода проживало по данным Т.Моммзена около 50–70 млн населения (История Рима, 2001). И в этом сравнении по мнению П.Бранта, 2–3 млн (Brunt, 1971: 123) рабов Италии (подчеркиваем, что в провинциях их количество было ничтожно) составляют уже не более 30 %, а всего лишь 3–6 %. Разумеется, такое соотношение в масштабах всей Римской империи не могло сколько-либо значимо влиять на производство.

Попробуем сравнить классическое рабство античного периода с институтом холопства на Руси. Очень кратко и весьма однозначно Е.И. Колычева, указывая, что «...холопство на Руси как правовой институт не представляло собой нечто исключительное, неповторимое. Для него характерны те же важнейшие черты, что и для рабства в других странах, в том числе и для античного рабства». Подобную оценку холопства можно найти и в трудах других современных отечественных историков. Традицию оценивать Киевскую Русь как однозначно рабовладельческую положил, пожалуй, И.Я. Фроянов¹, – еще в работах советского периода. Юридически холопство как социальный институт было отменено лишь в начале XVIII века резолюцией Петра I от 23 января 1723 г.

Как и раб в государствах Древнего мира, холоп не являлся субъектом права: согласно Русской Правде «...Аже будут холопи татие, их же князь продажею не казнить, зане суть несвободни» (Русская Правда: 42), причем подобная позиция, выраженная разными фразами, характерна для всех трех редакций данного законопроекта. Аналогично античному рабству, убийство своего холопа никак не наказывалось: «А в холопе и робе виры нетуть; но оже будет без вины оубиен, то за холоп оурок платити, или за робу, а князю 12 гривен продаже» (Русская Правда: 84), т.е. штраф налагался лишь за убийство чужого холопа и приравнивался к умышленной порче имущества.

В целом, не будет преувеличением отождествить юридический статус античных рабов и челяди. Что касается холопов, юридически их статус идентичен, но по факту положение было несколько лучше. Как и античное право, закон защищал только интересы господина как собственника (в случае с Киевской Русью – всегда аристократа); взаимоотношения между господином и невольником не регламентировались вовсе. В итоге, за убийство собственного холопа господин не был ответственен ни перед кем, так как вред наносил

¹ И.Я. Фроянов является одним из наиболее авторитетных исследователей Древней Руси, имеет огромное количество фундаментальных трудов и статей, освещающих различные институты социальной зависимости у славян. Наиболее полный (и комплексный), на наш взгляд, труд по проблеме рабства на Руси (анализирующий в том числе и институт холопства раннефеодальной монархии) – «Рабство и данничество у восточных славян».

исключительно собственному имуществу. При убийстве же чужого холопа, штраф в пять гривен сохранялся - но только, при условии, если его вина отсутствовала. В случае же, если умышленные действия холопа спровоцировали его же смерть, какой либо штраф за его убийство не платился; более того, сам убийца мог обратиться с "иском" к хозяину виновного невольника. В случае же, если один невольник убивал другого, то ответственность нес господин убийцы: виновника либо выдавали хозяину убитого, либо оплачивали стоимость последнего. Размер штрафа за холопа сильно зависел от его "должности": если это был "простой" невольник, штраф налагался в размере 5 гривен, если же княжеский тиун или огнищанин – вплоть до 80. Сумма в восемьдесят гривен в Киевской Руси была огромной (по сути – величина поголовья скота двух среднестатистических деревень в 5–8 дворов) и если убийца не мог ее уплатить, то сам становился холопом. Получалось, что за убийство княжеского огнищанина (налогоборщика) каким-либо сельчанином, в холопство могла попасть вся его деревня. Подобной практики не знало античное рабство.

Есть один существенный отличительный момент античного рабство от холопства Киевской Руси, а именно – сферы использования невольничьей силы. И если челядь (имевшая статус "настоящих" рабов) безвозмездно выполняла наиболее трудоемкую работу (как земледельческую, так и ремесленную), то холопы заведовали хозяйством, даже его отдельными отраслями. Порой тиуны и ключники (холопы на службе у князя) были его самыми доверенными людьми, как раз в силу своего холопского статуса; от того, насколько качественно они управляли хозяйством, настолько благополучным было материальное положение господина. Подобная ситуация имела место не только на Руси, но и в Европе, где многие важные государственные должности "вырастали" из обязанностей невольников. Античное рабство знало писарей, педагогов, помощников господина и прочих, тоже доверенных, лиц; но высокопоставленных менеджеров – нет. Судя по работам исследователей европейского средневекового общества (Кенигсбергер, 1987; Гуревич, Харитонович, 2008; Гуревич, 2002: 39-55), такое состояние дел – это приобретение определенной исторической эпохи, а не отдельно взятой Киевской Руси.

В отличие от античного права, собственником холопа мог быть только аристократ – боярин или князь. В литературе не описывается случаев, чтобы холопами владел кто-либо из простолюдинов. Разумеется, в данном случае нельзя всецело ориентироваться на Русскую Правду, так как она имела сугубо казуистический характер, описывая сложившуюся традицию с многими переменными лишь конкретным прецедентом.

Соответственно анализу античного рабства, рассмотрим источники холопства на Руси. В целом, они были весьма схожи. Причем, в холопство, как и в Древнем мире, вполне можно было попасть и добровольно. Русская Правда называет несколько источников холопства, изложенных, соответственно в статьях 50, 52, 57, 93, 102, 103 и 104.

В догосударственный период основным источником рабов у славян был захват пленных, причем необязательно иностранных, но и из соседнего племени. Эти пленные (обозначались словом «челядь»: понятие трансформируется к середине XI и станет обозначать лично свободных, но закрепощенных крестьян; впоследствии и вовсе понятие будет ассоциироваться с прислугой-помощниками дворянина (помещика); от понятия «раб» в итоге не осталось и следа...) мало чем отличались от невольников времен классического рабства времен ранней Римской империи, имея весьма похожий социально-правовой статус. После XI века военнопленных стали называть холопами – так же, как и до Русской Правды называли несвободных людей из местного населения. Впрочем, сами славяне тоже были «добычей», особенно в начале 1-го тысячелетия нашей эры. Интересным нам представляется один чисто лингвистический момент. С видоизменением рабства в Риме во II–III вв. н.э. слово «servus» или «serf» перестало обозначать раба, и стало названием крепостного крестьянина, обладающего личной свободой. В же время «настоящих» рабов, т.е. несвободных в личном отношении стали называть «slave» или «sklav». Как известно, склавины были одним из славянских народов и подобное название рабов может вполне явственно указывать на этническое происхождение большинства из них. Да и германизированное произношение "славе" (английское произношение – "слэйв") также весьма созвучно с соответствующим этническим названием. Подобная похожесть произношения представлялась зарубежным публицистам XVIII–XIX вв. настолько очевидной, что они вполне серьезно говорили о взаимосвязи названия несвободной

категории населения с этносом. Даже писатель Ф.М. Достоевский не смог "пройти мимо" этой дискуссии... (Достоевский, 1990: 63, 382). Однако, в данном источнике "пополнения" невольников нет ничего сверхъестественного: он был основным во все времена вплоть до середины XIX века.

Говоря об источниках рабства на Киевской Руси в ее расцвет, следует отметить один из краеугольных моментов, отличающих институт холопства от института рабства античного периода – его карательный характер (в основном за совершение тяжких правонарушений, а также невыплату долга). То есть, помимо военной добычи, в категорию лично зависимых людей попадали как преступники, так и должники (тоже, в сущности, преступники, хотя невыполнение долговых обязательств обычно считают самостоятельным источником рабства). Причем, для усиления карательной функции закона было указано, что в холопство (в частности, к князю при совершении против него преступления его боярином) могли попасть и ближайшие родственники (семья) правонарушителя – жена и его дети.

Именно правонарушители к периоду упадка монархии (начало XII в.) постепенно становятся основным источником холопства, чего также не было, в частности, в Древнем Риме. Однако после развала Киевской Руси на первое место вновь "выходят" военнопленные, причем зачастую – за счет соседних княжеств. Наиболее ярким примером может служить сражение между Новгородом и Суздаlem в 1169 г., когда плененных суздальцев было столько, что новгородцы продавали их по цене в три раза меньшей, чем стоимость козы и в пять раз меньшей, чем стоимость свиньи (Фроянов, 1996).

Аналогично античному праву, одним из источников холопства была невыплата долга или невыполнения договора ("ряда"). Предусматривалось, что если рядович не исполнит договора, то становится либо должником (закупом), либо сразу холопом – на усмотрение боярина или князя. В отличие от современного гражданского права, договорные отношения не прекращались со смертью одного из субъектов обязательства: если рядович умирал/погибал, то выполнить условия должны были его родственники (в т.ч. дети, внуки и др.). И если детям/внукам боярина или князя "надоело" ждать исполнения обязательства, то они на вполне законных основаниях могли обратить детей/внуков рядовича в холопство.

Также и закуп (человек, взявший долг – "купу", причем не обязательно крестьянин: таким мог быть и купец, взявший в кредит сумму денег), если не смог отдать кредит вовремя, то «ждут ли ему, а своя им воля, продадут ли, а своя им воля» (Русская Правда: 50), то есть судьба его холопства по закону теперь всецело зависела от желания кредитора.

Еще один источник, точнее сказать – путь попадания в холопы, – рождение от несвободных родителей. В ст.93 Русской Правды дети от челяди/холопа приравнялись к приплоду скота и являлись естественным пополнением движимого имущества господина. Говоря о "несвободных родителях" имелся ввиду, прежде всего, отец: аналогично античному рабству, если свободная женщина вышла замуж за холопа, она также становилась холопкой ("роба", с древнеславянского – рабыня). Дети же свободного отца и невольницы-матери имели шанс "устроиться в жизни", но частично "несвободное" происхождение так или иначе откладывало отпечаток на их карьере. В этой связи нельзя не вспомнить наиболее известного полубаба Киевской Руси – великого князя Владимира I Святославича "Красно Солнышко", причисленного впоследствии к лику святых и получившего к имени и отчеству приставку "Святой", одного из самых результативных правителей в истории России. Незаурядные умственные и волевые качества предопределили его блестящую карьеру, однако генетическое "пятно" так или иначе "преследовало" его. Наиболее известный случай описан практически в каждом учебнике по истории, где фигурирует фраза его возлюбленной, полоцкой княжны Рогнеды: "Не хочу за робичича,¹ хочу за Ярополка!", которую в итоге Владимир принудил к браку в крайне жесткой форме. Услышав от своих сватов такой ответ потенциальной невесты, он сильно разгневался и, пользуясь военным превосходством, захватил Полоцк, в котором княжил его "земляк" – варяжский конунг Рогволд, отец Рогнеды. Владимир изнасиловал Рогнеду на глазах ее родителей, а потом убил их на ее глазах. Супружеская жизнь новоиспеченной четы не задалась, и вскоре Владимир вместе с совместными детьми сослал ее прочь. Старший сын от этого брака – Ярослав,

¹ В переводе со старославянского - "сын рабыни"; Владимир был третьим сыном великого князя Святослава Игоревича и был рожден от его наложницы (рабыни) Малуши.

получивший впоследствии за свои деяния прозвище "Мудрый", будет княжить после Владимира и сделает Русь одним из наиболее развитых и сильных государств в Европе. Анализируемая нами Русская Правда также приписывается перу Ярослава. Поводом вышеописанной Владимиром расправы, безусловно, стала обида за произнесенные ею слова...

Русская Правда выделяет еще два источника холопства – продажа себя в такое положение "в присутствии свидетеля хотя бы за полгривны" или поступление в услужение тиуном или ключником.

Второй случай прямо предусматривал возможность изменения правового статуса холопа даже вразрез принятых правил: то есть, если отец семейства (причем тиуном вполне мог быть даже аристократ) поступал на службу князю, этот вовсе не означало, что его дети должны были служить тиунами этому же князю. Были известны и другие случаи. В законе прямо предусматривалась ситуация, что если бояр (дружинник) совершал против своего князя какое-либо преступление, – от тятбы (воровства) до убийства/покушения родственника князя/самого князя или измены (в том числе, на поле боя), – то его следовало казнить, а вся его семья поступала в холопство к великому князю. Как быть князю с такими "высокопоставленными" холопами? Заставлять их обрабатывать землю означало унижить в высшей степени: убийство господина из мщения за униженное состояние в такой ситуации становилось вполне реальным. Поэтому холопов-аристократов обычно назначали на управленческие должности, чаще всего – тиунами (менеджер средней руки, доверенное лицо князя и, по совместительству, налоговосборщик). Такого рода практика совершенно нехарактерна для рабства Древнего мира. Вместе с тем, жесткая сегрегация все же сохранялась: холопы-аристократы не участвовали в битвах и не сидели за одним столом на княжеских пирах вместе со свободными.

Первый же случай, – добровольная продажа себя (либо своей семьи или ее отдельных членов) в холопство, – "обратного хода" не имел, за исключением общего для всех холопов (и рабов Древнего мира) правила – добровольного дарования свободы господином. С другой стороны, такая "самопродажа" практиковалась, как правило, крестьянами или (реже) горожанами в случаях крайней нужды – чтобы защитить себя или членов своей семьи от голодной смерти. Русская Правда со свойственным ей прецедентным (казуистическим) изложением статей не раскрывает всецело сущности этого явления. Однако статья 105 дает повод полагать, что "обратный ход" из холопства, полученного в состоянии крайней нужды все же был, – если холоп отработал год "за полученную милость", то он подлежал освобождению (Русская Правда: 105).

Что касается количества холопов, – еще одного ключевого критерия, то оно, по оценке как советских, так и современных историков (Зимин, 1973; Юрганов, 1998: 216-239), колеблется в пределах 1–2 % от всего населения: то есть из 1–1,2 млн населения Киевской Руси в середине-конце XI века в холопстве находились приблизительно 15–20 тыс. человек. Следовательно, соотношение свободный/холоп было приблизительно 98–99 к 1–2. Подобное соотношение также ни в коей мере, на наш взгляд, не позволяет говорить о наличии рабства как формации; сколь-либо значительное влияние на производство они не оказывали.

В заключение нельзя не сказать несколько слов о деформации института холопства, который, как уже было указано выше, просуществовал вплоть до начала XVIII века. Деформация эта отчасти напоминает и те метаморфозы института рабовладения, которые произошли около тысячи лет назад на итальянской территории Римской империи.

Прежде всего, меняются источники холопства. Превалирующим становится "долговое" холопство, в то время как пленение уходит на второй план. В историю уходит и "челядь" – "настоящие" чернорабочие рабы, а само понятие мало-помалу начинает соотноситься с чернорабочей домашней прислугой аристократа (уборщики разного рода, посудомойки и пр.) – типичная холопская работа времен Киевской Руси.

Плененные холопы-невольники существовали вплоть до отмены самого института, но правовой статус их постепенно улучшался: так, согласно указу Ивана IV Грозного от 1556 г., дети пленника уже не считались холопами. Соборное Уложение 1649 г. еще более облегчило положение плененных невольников.

"Преступническое" холопство не фигурирует в ключевых кодексах Московского государства вовсе – Судебнике Ивана III Великого 1497 г., Ивана IV Грозного 1550 г. и Соборном Уложении Алексея I Михайловича Тишайшего 1649 г. За деяние, которое грозило холопской зависимостью, теперь назначались уголовные наказания. Это позволяет говорить о том, что "холопство из преступления" как социальный институт прекратило свое существование.

К XVII веку значительно видоизменилось и "долговое" холопство: если Судебник 1497 г. повторяет положения Русской Правды о несостоятельности, то Судебник 1550 г. ограничивает время зависимости от кредитора лишь временем "искупа" – погашения/отработки долга. Соборное Уложение же и вовсе четко определила "стоимость" годичной работы должника: холопский труд мужчины оценивался в 5 руб./год, женщины – 2,5 руб./год. В прямой зависимости от суммы долга был и срок нахождения в холопах.

Не видоизменилась только самопродажа в холопы – кодексы Московского государства XV–XVII веков разными словами повторяют смысл положений Русской Правды. Однако такие случаи становятся исключительной редкостью, – благодаря развитию гражданского права и, соответственно, более четкого регулирования института несостоятельности.

4. Выводы

Сопоставляя рабовладение периода Древнего мира (прежде всего – Римской империи как его "классического" вида) и холопство Киевской Руси нельзя не отметить их значительную схожесть. В частности, отсутствие какого-либо правового статуса у попавшего в невольническую зависимость человека, то есть приравненность к вещи/имуществу и невозможность иметь какие-либо права/обязательства. Похожи и источники такой зависимости: пленение, несостоятельность (то есть, неспособность рассчитаться по долговым обязательствам), тяжкое преступление, самопродажа (или продажа собственных детей для покрытия своих же долгов, весьма распространенная, в частности, в античной Греции).

Вместе с тем, имеются и кардинальные отличия холопства от рабовладения. На Руси основным источником холопства являлось преступление, то есть данный институт являлся прежде всего карательным, а не экономическим (производственным), как это было в Древнем мире. Как указывалось выше, основными производителями продукции являлись "люди" (свободные общинники); вклад же холопов в ВВП был минимален. Другим ключевым критерием является количество невольников: если, например, в Риме в период завоеваний, количество рабов приближалось к 30 % населения, то в Киевской Руси – не более 2 %. Также разительно отличалась и так называемая самопродажа (обычно – членов своей семьи): если в Древнем мире таким образом оплачивали долги, то на Руси – спасали домочадцев от голодной смерти. Такая практика в понимании господина, безусловно, де-факто значительно улучшала положение холопа в сравнении с древнеримским рабом, хотя де-юре их статусы были схожи. И, наконец, еще одно краеугольное отличие холопа от раба – это возможность занимать достаточно высокие управленческие должности (например, тиуна), которые зачастую были недостижимы даже для свободного человека.

Учитывая вышесказанное, полагаем, что Древнерусское государство, которое по традиции все еще именуется Киевской Русью, вряд ли справедливо называть рабовладельческой феодальной монархией, так как рабовладения в том виде, в каком его обычно понимают (имея ввиду его классический вариант) в ней не существовало. Безусловно, нельзя не упомянуть наличие у славян и "настоящих" рабов – челяди, но мы не оспариваем наличие рабства у славян в догосударственный период. С объединением же в единое государство, челядь как социальный институт уходит в прошлое, а к периоду Московского государства этот термин и вовсе кардинально меняет свое значение. Низшее место челяди в социальной иерархии займут холопы, которых рабами в полном смысле этого слова, на наш взгляд, можно назвать лишь с большой натяжкой (сравниваем, конечно же, с рабом периода Древнего мира). И уж насчет феодальной формации, в которой существовала Киевская Русь, у нас точно нет каких-либо сомнений.

Подытоживая вышесказанное, в данном случае уместно, на наш взгляд, провести аналогию с современностью. В Уголовном кодексе РФ есть статьи, предусматривающие ответственность за обращение лицом в рабство другого человека; отдельные прецеденты,

если судить по криминальным хроникам, действительно имеются, особенно на территории Кавказа. Подобные статьи (как и крайне редкие прецеденты) есть и в уголовном праве зарубежных стран, включая и весьма развитые государственные образования, такие как США или ЕС. Вместе с тем, однако, это вовсе не означает, что Российская Федерация, США или Европейский Союз являются рабовладельческими государствами.

5. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта «Малые народы в экстремальных условиях войны и мира (историко-сравнительное исследование)». Шифр: 100.01.

Литература

- Гуревич, 2002 - Гуревич А.Я. Средневековье как тип культуры // Антропология культуры. 2002. Вып. 1. С. 39-55.
- Гуревич, Харитонович, 2008 - Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История средних веков. М., 2008.
- Джонс, 1997 - Джонс А. Гибель античного мира. Ростов н/Д, 1997.
- Достоевский, 1990 - Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М., 1990. Т. 23.
- Зимин, 1973 - Зимин А.А. Холопы на Руси. М., 1973.
- История, 2000 - История России / Отв. ред. А.Н. Сахаров. В 3-х томах. Т.1. С древнейших времен до конца XVII века. М., 2000.
- История СССР, 1976 - История СССР. Учебник для вузов. Л., 1976.
- Кенигсбергер, 1987 - Кенигсбергер Г. Средневековая Европа. М., 1987.
- Моммзен, 2001 - Моммзен Т. История Рима. Т.1. Кн.2. М., 2001.
- Русская Правда - Русская Правда (Пространная редакция, Троицкий список, 2-я пол. XIV в.), ст. 42, 84, 50, 105 // <http://historic.ru/books/item/fo0/so0/z0000083/st008.shtml>
- Фроянов, 1996 - Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Издательство СПбГУ, 1996.
- Юрганов, 1998 - Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Brunt, 1971 - Brunt P. Italian Manpower, 225 B.C.-A.D.14. Oxford, 1971.
- Finley, 1980 - Finley M. Ancient Slavery and Modern Ideology. New York, 1980.
- Grenier, 1937 - Grenier A. La Gaule Romaine. In: Economic Survey of Ancient Rome. Baltimore, 1937.
- Jones, 1956 - Jones A. Slavery in the Ancient World. Economic History Review. Baltimore, 2d ser., 1956.
- Millar, 1967 - Millar F. The Roman Empire and its Neighbours, London, 1967.
- Nicolet, 1979 - Nicolet C. Rome et la conquete du monde mediterraneen. T.1. Paris, 1979.

References

- Gurevich, 2002 - Gurevich A.Ya. Srednevekov'e kak tip kul'tury // Antropologiya kul'tury. 2002. Vyp. 1. S. 39-55.
- Gurevich, Kharitonovich, 2008 - Gurevich A.Ya., Kharitonovich D.E. Istoriya srednikh vekov. M., 2008.
- Dzhons, 1997 - Dzhons A. Gibel' antichnogo mira. Rostov n/D, 1997.
- Dostoevskii, 1990 - Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. M., 1990. T. 23.
- Zimin, 1973 - Zimin A.A. Kholopy na Rusi. M., 1973.
- Istoriya, 2000 - Istoriya Rossii / Otiv. red. A.N. Sakharov. V 3-kh tomakh. T.1. S drevneishikh vremen do kontsa XVII veka. M., 2000.
- Istoriya SSSR, 1976 - Istoriya SSSR. Uchebnik dlya vuzov. L., 1976.
- Kenigsberger, 1987 - Kenigsberger G. Srednevekovaya Evropa. M., 1987.
- Mommzen, 2001 - Mommzen T. Istoriya Rima. T.1. Kn.2. M., 2001.
- Russkaya Pravda - Russkaya Pravda (Prostrannaya redaktsiya, Troitskii spisok, 2-ya pol. XIV v.), st. 42, 84, 50, 105 // <http://historic.ru/books/item/fo0/so0/z0000083/st008.shtml>
- Froyanov, 1996 - Froyanov I.Ya. Rabstvo i dannichestvo u vostochnykh slavyan. SPb.: Izdatel'stvo SPbGU, 1996.

- [Yurganov, 1998](#) - *Yurganov A.L. Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury*. M., 1998.
[Brunt, 1971](#) - *Brunt P. Italian Manpower, 225 B.C.-A.D.14*. Oxford, 1971.
[Finley, 1980](#) - *Finley M. Ancient Slavery and Modern Ideology*. New York, 1980.
[Grenier, 1937](#) - *Grenier A. La Gaule Romaine*. In: *Economic Survey of Ancient Rome*. Baltimore, 1937.
[Jones, 1956](#) - *Jones A. Slavery in the Ancient World*. *Economic History Review*. Baltimore, 2d ser., 1956.
[Millar, 1967](#) - *Millar F. The Roman Empire and its Neighbours*, London, 1967.
[Nicolet, 1979](#) - *Nicolet S. Rome et la conquete du monde mediterraneen*. T.1. Paris, 1979.

УДК 93/94

Институт холопства Киевской Руси эпохи Ярослава Мудрого и классическое рабство античного периода: сравнительный анализ

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{а, *}

^аМеждународный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу институтов классического рабства эпохи античности с институтом холопства в период расцвета раннефеодальной монархии Руси – во второй половине XI века. Данный период приходится на правление одного из самых результативных отечественных правителей – Ярослава I Владимировича Мудрого, а также его сыновей. В работе дается характеристика и сравнительный анализ классического рабства античного периода, рабства у древних славян и в ранний период Русского государства, института холопства, закрепленного в Русской Правде. В заключении автор приходит к выводу, что древнерусское государство, которое по традиции именовалось Киевской Русью, вряд ли справедливо называть рабовладельческой феодальной монархией, так как рабовладения в том виде, в каком его обычно понимают (имея ввиду его классический вариант) в ней не существовало.

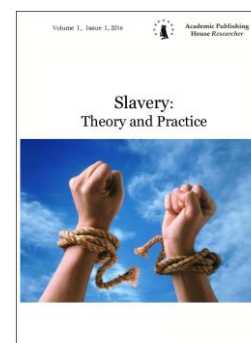
Ключевые слова: рабство, рабы, холопство, холоп, сравнительная характеристика, Древняя Греция, Древний Рим, античность, Киевская Русь, Русская Правда, средневековье.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Slavery: Theory and Practice
 Has been issued since 2016.
 E-ISSN: 2500-3755
 Vol. 1, Is. 1, pp. 24-27, 2016

DOI: 10.13187/slave.2016.1.24
www.ejournal43.com

UDC 94

About the Ethnicity of "Smerds"

Lev R. Prozorov^a^a Udmurt State University, Russian Federation

Abstract

The content of the term "smerd", the status of this population is one of the most difficult questions of social history of pre-mongol Russia.

Materials for the preparation of manuscripts are national studies on the history of Kievan Russ and the Russian principalities of XI–XIII centuries. During the XX – early XXI centuries this topic was researched by I.Ya. Froyanov, B. Ryskin, A.V. Karpov, N.M. Tupikov, M.B. Sverdlov, A.L. Shilov and others. The methodological basis of the study was the principles of objectivity and historicism, suggesting an unbiased approach to the analysis of the studied problems, a critical attitude to the sources, making judgments in the analysis of the totality of the facts and the screening phenomena in the development and the context of the historical situation.

The author comes to the conclusion that all these circumstances constitute a serious obstruction to output of I.Y. Froyanov about by far the different ethnicity, originally non-Slavic origin of ancient smerds.

Keywords: smerd, Kievan Russ, the dependent class, the pre-mongol period.

1. Введение

В Киевской Руси в обширном смысле этого слова смердами называлось все население, кроме бояр и духовенства (*Большая энциклопедия, 1904: 553*).

Содержание термина «смерд», статус данной категории населения является одним из наиболее сложных вопросов общественной истории домонгольской Руси.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для подготовки статьи стали отечественные исследования по истории Киевской Руси и русских княжеств XI–XIII вв. На протяжении XX – начала XXI вв. этой темой занимались такие исследователи как: И.Я. Фроянов, Б. Рыськин, А.В. Карпов, Н.М. Тупи́ков, М.Б. Свeрдлов, А.Л. Шилов и другие.

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки. В ходе работы применялись общенаучные методы: логический, классификационный, метод факторного анализа и др., а также такие специальные методы исследования, как сравнительный и типологический.

3. Обсуждение

Историография этого вопроса подробно освещена в работах И.Я. Фроянова (Фроянов, 1990; Фроянов, 2010: 194-209; Свердлов, 1983: 135-149). Исследователи формулируют свои выводы о смердах так – смерды существовали двух категорий. Во-первых, по терминологии И.Я. Фроянова, «внешние» – иноязычные, как подчеркивает исследователь, племена, платившие Руси дань, во-вторых, были смерды «внутренние», из числа захваченных пленников, также, надо полагать, не славянского происхождения (Фроянов, 1990: 210-211; Фроянов, 2010: 236-237). В дореволюционный период сословие смердов делили на 3 разряда: на свободных, прикрепленных и несвободных (Большая энциклопедия, 1904: 553).

4. Результаты

Следует заметить, что построения И.Я. Фроянова в этой части опираются на не всегда надёжное основание. Во-первых, большая роль исследователем отводится сходству летописного диалога воеводы Яня Вышатича с пленными волхвами (ПСРЛ, т. I, 1846: 75-76) и «мордовской легенды», приводимой П.И. Мельниковым-Печерским (Фроянов, 2010: 213-214). Между тем, как сам летописный «диалог» носит довольно явные черты литературного происхождения (Прозоров, 2003: 107-112), так и П.И. Мельников-Печерский, сколь вообще в рассказе о мордовской мифологии, столь и в передаче данного конкретного «предания», по тактичному выражению А.В. Карпова, «допустил определенный вымысел» (Карпов, 2008: 114). Проще говоря, «легенда», по-видимому, является авторским сочинением П.И. Мельникова-Печерского, «поразительное сходство» которого с летописным «диалогом» прекрасно объясняется знакомством автора с летописью.

Во-вторых, нельзя упускать из внимания употребления термина «смерд» – в форме *smurdi*, *zmurdi*, *smardones*, *smurdones* – в средневековых документах, происходящих из колонизируемых немцами земель западных славян (Рыськин, 1948: 74-80), что в значительной мере дезавуирует отсылки И.Я. Фроянова к звуковому сходству термина «смерд» с этнонимами поволжских финских народностей (Фроянов, 2010: 212), так как по ряду общеисторических соображений представляется крайне маловероятным как непосредственное, так и опосредованное влияние данных этнонимов на лексику балтийского славянства.

В этом отношении представляется перспективным обратиться к пока ещё не использовавшейся при исследовании проблемы смердов категории источников, а именно берестяным грамотам.

Целый ряд грамот с первой половины XI века по начало XIII, упоминает так или иначе смердов. Это грамоты (в хронологическом порядке) № 247, 607, 907, 724, 935, 410 (Зализняк, 2004: 239, 245, 255, 350, 408, 508).

Непосредственно этническая принадлежность смердов не упоминается ни в одной из грамот, но в двух из них (№ 607, датируемой концом XI столетия и № 410, датируемой рубежом XII–XIII) указаны антропонимы смердов. Любопытно, что в одном случае (грамота № 935) слово «Смерд», по всей видимости, выступает в качестве собственно антропонима, находясь в ряду имён и прозвищ должников или участников некоей складчины (Зализняк, 2004: 408) (доля Смерда точно такая же, как и у некоего Гречина, идентифицируемого исследователями со священником Гречином, претендентом на владычный престол, то есть лица с достаточно высоким общественным статусом (Зализняк, 2004: 403). В более поздний исторический период мы встречаем имя или прозвище Смерд, в том числе у дворян (Тупиков, 2004: 363).

Имена смердов, приводимые в берестяных грамотах, таковы: Жизнобуд (№ 607), Доман и Братша (№ 410).

Нетрудно заметить, что антропонимы смердов в Новгородских берестяных грамотах целиком славянские. В берестяных грамотах также широко представлены неславянские имена финского, балтийского, скандинавского и прочего происхождения (Шилов, 2010: 33–54), но их носителей никогда не именуют смердами. Никогда также термин «смерд» не используется в грамотах, связанных с карельскими владениями Новгорода. Значимым представляется и то обстоятельство, что во всех грамотах, где упоминаются смерды, они предстают в окружении некалендарной славянской и христианской антропонимики.

Вне берестяных грамот мы встречаем следующие упоминания смердов по имени – в Ипатьевской летописи под 1240 годом упомянуты смерды Лазорь Домажирич и Ивор Молибожич (Тупиков, 2004: 534, 648). Если быть более точным, летопись характеризует упомянутых лиц, как «племени смердья» (ПСРЛ, т. 2, 1843: 179) что делает их славянские патронимы особенно информативными в рассматриваемом вопросе. В грамоте великого князя Изяслава Мстиславича 1148 года упомянуты также «смерды Витославлицы» (Янин, 2004: 148), что можно рассматривать как ойконим (деантропонимного характера) – но и как патроним данной группы представителей интересующего нас социального слоя – Витославлицы, т.е. потомки некоего Витослава (Васильев, 2012: 209-210).

В целом, как можно видеть, у смердов, согласно источникам, преобладает чисто славянская антропонимика. Лазарь – христианское имя и не может быть маркером этнического происхождения, Ивор – имя, как считается, скандинавского происхождения, с X века вошедшее в русский именослов, рано утратив этнический характер (Васильев, 2012: 305). Нельзя не отметить, как часто встречаются у смердов двусоставные имена – Жизнобуд, Витослав, Домажир, Молибог – что само по себе представляет достойную для рассмотрения проблему: «принято считать», указывает В.Л. Васильев, «что двусоставные имена носили люди с высоким социальным статусом» (Васильев, 2005: 38). Статус же смерда высоким назвать затруднительно, в чём сходятся практически все исследователи вопроса.

Заключение

Завершая хочется отметить, что все перечисленные обстоятельства представляют серьёзное затруднение для вывода И.Я. Фроянова об однозначно иноэтничном, неславянском изначально происхождении древнерусских смердов.

Литература

- Большая энциклопедия, 1904 - Большая энциклопедия / Под ред. С.Н. Южакова. В 22 т. Т. 17. СПб., 1904.
- Васильев, 2012 - Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2012.
- Васильев, 2005 - Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли: Древнеславянские деантропонимные образования. Великий Новгород, 2005.
- Зализняк, 2004 - Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Карпов, 2008 - Карпов А.В. Язычество, христианство, двоеверие: Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. СПб.: «Алетейя», 2008.
- Прозоров, 2003 - Прозоров Л.Р. Диалоги с волхвами в "Повести временных лет": к вопросу о достоверности // Вестник Удмуртского университета. 2003. С. 107-112.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. I. 1846.
- Рыськин, 1948 - Рыськин Б. Смерды в областях немецкой колонизации XI–XIII веков // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 74-80.
- Свердлов, 1983 - Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в древней Руси. Л.: Наука, 1983.
- Тупиков, 2004 - Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Русский путь, 2004.
- Фроянов, 1990 - Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л.: Издательство Ленинградского Университета, 1990.
- Фроянов, 2010 - Фроянов И.Я. Зависимые люди древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды). СПб.: «Астерион», 2010.
- Шилов, 2010 - Шилов А.Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 33–54.
- Янин, 2004 - Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: «Наука», 2004.

References:

- Bol'shaya entsiklopediya, 1904 - Bol'shaya entsiklopediya / Pod red. S.N. Yuzhakova. V 22 t. T. 17. SPb., 1904.

- Vasil'ev, 2012 - *Vasil'ev V.L.* Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoj zemli. M.: Rukopisnye pamyatniki drevnei Rusi, 2012.
- Vasil'ev, 2005 - *Vasil'ev V.L.* Arkhaicheskaja toponimiya Novgorodskoj zemli: Drevneslavyanskije deantroponimnye obrazovaniya. Velikii Novgorod, 2005.
- Zaloznyak, 2004 - *Zaloznyak A.A.* Drevnenovgorodskii dialekt. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.
- Karpov, 2008 - *Karpov A.V.* Yazychestvo, khristianstvo, dvoeverie: Religioznaya zhizn' Drevnei Rusi v IX–XI vekakh. SPb.: «Aleteiya», 2008.
- Prozorov, 2003 - *Prozorov L.R.* Dialogi s volkhvami v "Povesti vremennykh let": k voprosu o dostovernosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2003. S. 107-112.
- PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. I. 1846.
- Rys'kin, 1948 - *Rys'kin B.* Smerdy v oblastiakh nemetskoj kolonizatsii XI–XIII vekov // Voprosy istorii. 1948. № 3. S. 74-80.
- Sverdlov, 1983 - *Sverdlov M.B.* Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v drevnei Rusi. L.: Nauka, 1983.
- Tupikov, 2004 - *Tupikov N.M.* Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen. M.: Russkii put', 2004.
- Froyanov, 1990 - *Froyanov I.Ya.* Kievskaya Rus': Ocherki otechestvennoi istoriografii. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1990.
- Froyanov, 2010 - *Froyanov I.Ya.* Zavisimye lyudi drevnei Rusi (chelyad', khology, danniki, smerdy). SPb.: «Asterion», 2010.
- Shilov, 2010 - *Shilov A.L.* Etonimy i neslavyanskije antroponimy berestyanykh gramot // Voprosy onomastiki. 2010. № 1 (8). S. 33–54.
- Yanin, 2004 - *Yanin V.L.* Srednevekoviye Novgorod: Ocherki arkheologii i istorii. M.: «Nauka», 2004.

УДК 94

Об этнической принадлежности «смердов»

Лев Рудольфович Прозоров ^а

^а Удмуртский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Содержание термина «смерд», статус данной категории населения является одним из наиболее сложных вопросов общественной истории домонгольской Руси.

Материалами для подготовки статьи стали отечественные исследования по истории Киевской Руси и русских княжеств XI–XIII вв. На протяжении XX – начала XXI вв. этой темой занимались такие исследователи как: И.Я. Фроянов, Б. Рыськин, А.В. Карпов, Н.М. Тупилов, М.Б. Свердлов, А.Л. Шилов и другие. Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов, а также показ явлений в развитии и контексте исторической обстановки.

В заключении автор приходит к выводу, что все перечисленные обстоятельства представляют серьёзное затруднение для вывода И.Я. Фроянова об однозначно иноэтническом, неславянском изначально происхождении древнерусских смердов.

Ключевые слова: смерд, Киевская Русь, зависимые сословия, домонгольский период.